

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ HISTORY, ETHNOGRAPHY, ARCHEOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.408-421><https://elibrary.ru/icgeyu>

УДК / UDC 94(=511.112):39

Оригинальная статья / Original article

Колвицкие карелы в XXI в.: этническое самосознание и историческая память

А. А. Бландов*Институт языка, литературы и истории**Карельского научного центра РАН,**г. Петрозаводск, Российская Федерация, <https://ror.org/05wgt8358>**var_87@inbox.ru*

Аннотация

Введение. Село Колвица, локализованное на Кандалакшском побережье Белого моря, представляет собой единственное карельское поселение в пределах Кольского полуострова и одновременно наиболее северный из ныне существующих карельских населенных пунктов. Основанное в конце XIX в., оно на протяжении длительного времени оставалось вне фокуса научной рефлексии этнографов, историков и лингвистов. Цель исследования – анализ этнического самосознания и коллективной исторической памяти нынешних жителей и уроженцев Колвицы.

Материалы и методы. В основе статьи лежат полевые материалы, собранные автором в Кандалакшском районе Мурманской области в 2023–2025 гг., архивные материалы, опубликованные образцы речи, газетные публикации и другие источники. Методологическая база исследования включает методы наблюдения и глубинного интервью, нарративный анализ, сравнительно-исторический и функциональный методы, применение которых позволило записать и проанализировать тексты, характеризующие традиционные занятия, социальный состав, топонимику села Колвица, а также этническое и конфессиональное самосознание, представления о локальной истории современных колвичан.

Результаты исследования и их обсуждение. В устном репертуаре уроженцев Колвицы преобладают рассказы о событиях, произошедших в 1890–1940-х гг.: переселение на Кольский полуостров, участие в Гражданской войне, работа в колхозе и др. Такие нарративы вписывают местную историю в общенациональный контекст и одновременно формируют локальную идентичность жителей побережья Кандалакшского залива. Переселенцы и их потомки осваивали окружающий ландшафт и наделяли его новыми смыслами, связанными с их собственным жизненным опытом, хотя некоторые исторические предания вполне могли быть заимствованы от соседствующего русского населения. Несмотря на постепенную утрату языка, многие уроженцы Колвицы уверенно называют себя карелами. При этом их конфессиональное самосознание значительно более размыто.

Заключение. Исследование вносит вклад в изучение этнического прошлого северного побережья Белого моря и истории самой северной из ныне существующих групп карельского народа. Материалы статьи могут быть полезны для создания этноконфессионального атласа региона, изучения миграционных потоков XIX–XX вв. и практик освоения заполярных ландшафтов, могут быть интересны краеведам, местным жителям и туристам.

Ключевые слова: село Колвица, карелы, поморы, этническое самосознание, историческая память

Финансирование: финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН № 125032004283-0 «Духовные традиции народов Карелии: тексты и контексты» (2025–2027 гг.).

Благодарности: автор выражает благодарность жителям села Колвица за помощь в сборе аутентичных материалов, представляющих научную ценность, а также кандидату филологических наук Д. В. Кузьмину

© Бландов А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

за ценные консультации при подготовке статьи. Все упомянутые лица дали информационное согласие на упоминание в благодарностях.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бландов А.А. Колвितские карелы в XXI в.: этническое самосознание и историческая память. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):408–421. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.408-421>

Kolvitsa Karelians in the 21st Century: Ethnic Identity and Historical Memory

A. A. Blandov

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, <https://ror.org/05wgt8358>
vap_87@inbox.ru*

Abstract

Introduction. The village of Kolvitsa, located on the Kandalaksha coast of the White Sea, is the only Karelian settlement on the Kola Peninsula and, at the same time, the northernmost Karelian locality still in existence. Founded in the late 19th century, it remained for many decades largely outside the scope of scholarly inquiry by ethnographers, historians, and linguists. The aim of this study is to analyse the ethnic identity and collective historical memory of Kolvitsa's present-day residents and native-born inhabitants.

Materials and Methods. The article is based on fieldwork materials collected by the author in the Kandalaksha District of the Murmansk Region between 2023 and 2025, as well as archival sources, published speech samples, newspaper articles, and other materials. The methodological framework of the study comprises observation and in-depth interviewing, narrative analysis, comparative historical analysis, and the functional method. Their application made it possible to record and examine texts describing the traditional occupations, social composition, and place names of the village of Kolvitsa, as well as the ethnic and religious identity of its present-day residents and their perceptions of local history.

Results and Discussion. The oral tradition of people born in Kolvitsa is dominated by accounts of events that took place between the 1890s and the 1940s, including migration to the Kola Peninsula, participation in the Russian Civil War, work on collective farms, and other experiences. These narratives place local history within a broader national context while also shaping the local identity of communities living along the coast of Kandalaksha Bay. The settlers and their descendants gradually adapted to the surrounding landscape and invested it with new meanings rooted in their own life experiences, although some historical legends may have been borrowed from neighbouring Russian communities. Despite the gradual loss of their language, many natives of Kolvitsa confidently identify themselves as Karelians. Their religious identity, however, is considerably less clearly defined.

Conclusion. The study contributes to research on the ethnic history of the northern coast of the White Sea and on the development of the northernmost surviving group of the Karelian people. The materials presented in the article may prove valuable for compiling an ethno-confessional atlas of the region, examining migration flows in the 19th and 20th centuries, and analysing practices of adaptation to and settlement of Arctic landscapes. The findings may also be of interest to local historians, residents, and tourists.

Keywords: Kolvitsa, Karelians, Pomors, ethnic identity, historical memory

Funding: Financial support for the research was provided from the federal budget to fulfill the state assignment of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences No. 125032004283-0 “Spiritual Traditions of the Peoples of Karelia: Texts and Contexts” (2025–2027).

Acknowledgements: The author expresses gratitude to the residents of the village of Kolvitsa for their help in collecting authentic materials of scientific value, as well as to Cand.Sci. (Philol.) D. V. Kuzmin for valuable advice during the preparation of the article. All the mentioned persons have given their information consent to be mentioned in the acknowledgements.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Blandov A.A. Kolvitsa Karelians in the 21st Century: Ethnic Identity and Historical Memory. *Finno-Ugric World*. 2026;18(3):408–421. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.408-421>

Введение

Расположенное на берегу Белого моря село Колвица – единственное карельское поселение на Кольском полуострове и самое северное из ныне существующих карельских поселений. История его относительно недолгая. Колвица была основана переселенцами из Северной Карелии в самом конце XIX в. и с тех пор была практически отрезана от остального карельского мира. Географическая обособленность, суровые климатические условия, непривычный ландшафт, новые занятия и новое социальное окружение – вот вызовы, с которыми столкнулись первые колвицкие жители.

С момента появления карельских переселенцев на берегу Белого моря прошло более 130 лет. За это время в Колвице сменилось несколько поколений жителей. Удалось ли им сохранить этническое и конфессиональное самосознание, карельский язык и связи с исторической родиной? Кем они себя ощущают сегодня: потомками переселенцев или исконными местными жителями, карелами или поморами? Как они осмысливают свое прошлое, какие события локальной истории считают наиболее важными? Эти вопросы были поставлены в начале исследования на территории Мурманской области в 2023 г.

Актуальность выбранной темы объясняется возрастающим интересом ученых к изучению изолированных этнографических и языковых сообществ. История миграции, практики освоения ландшафтов, культурные и языковые контакты, представления о прошлом и собственной идентичности находятся в центре внимания специалистов в различных областях социально-гуманитарного знания. Карелы Кольского полуострова, хотя и представляют в этом отношении несомненный интерес, пока не становились объектом всестороннего изучения.

Цель исследования – на основе собранных полевых материалов охарактеризовать особенности этнического самосознания и исторической памяти сегодняшних жителей и уроженцев с. Колвица.

Обзор литературы

Колвица, будучи сравнительно молодым поселением, долгое время находилась на периферии научного интереса. В исторической, этнографической и языковедческой литературе карелы Мурманской области упоминались эпизодически, а полевые исследования, проводившиеся на Терском берегу Белого моря, как правило, не затрагивали данное село. Существование карельской общины в Колвице было зафиксировано учеными из Петрозаводска почти случайно, в ходе фольклорных исследований 1972 г.¹ [1]. В тот же полевой сезон в село приезжали этнографы из Ленинграда². Впоследствии там бывали и другие ученые, однако в научной литературе это отдаленное карельское поселение по-прежнему практически не упоминалось.

В последние десятилетия ученые стали обращать внимание на периферийные группы прибалтийско-финских народов, стремясь засвидетельствовать угасающие и при этом малоизученные идиомы, а также записать новые образцы диалектной речи.

Начиная с 2010 г. несколько экспедиций побывало и в Колвице. Результатом работы П. Кехайова, Д. В. Кузьмина [2–4] и С. А. Мызникова [5] стала публикация научных статей, фольклорных текстов, образцов речи и монографии о колвицких говорах карельского языка. В этих работах, кроме всего прочего, представлены сведения об

¹ Отчет о фольклорной экспедиции в Кандалакшский район Мурманской области. В: Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ). Ф. 1. Оп. 2. Кол. 53. Л. 1.

² Бернштам Т.А., Лапин В.А. Поморы Кандалакшского и Терского берегов Белого моря. В: Новое в этнографических и антропологических исследованиях (итоги полевых работ Института этнографии в 1972 году). Ч. 1. М.: Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; 1974. С. 17.

истории и топонимии Колвицы, поднимается вопрос об этническом самосознании ее жителей. Между тем конфессиональная история села, особенности локальной исторической памяти, а также устные исторические предания, бытующие в Колвице, до сих пор не становились предметом специального исследования.

В последнее время вышло несколько научных работ, посвященных устной истории проживающих на Кольском полуострове саамов, коми-ижемцев и финнов³ [6]. При этом карельское прошлое региона все еще исследовано слабо.

Настоящее исследование частично восполняет имеющиеся в научной литературе лакуны. Полевые и архивные материалы позволили нам охарактеризовать этническое и конфессиональное самосознание современных колвичан, особенности их исторической памяти, выявить бытующие в их среде исторические предания, дополнить имеющиеся в литературе сведения об этническом прошлом Кандалакшского берега Белого моря.

Материалы и методы

В ходе полевых исследований, проведенных в 2023, 2024 и 2025 гг., был собран корпус из 23 интервью с уроженцами и постоянными жителями с. Колвица (Кандалакшский район Мурманской области) и других сел на побережье Белого моря. Запись велась на русском и карельском языках. Информантами выступили представители обоих полов в возрасте от 55 до 85 лет, являющиеся преимущественно внуками и правнуками основателей поселения, представителями последних поколений, родившихся в селе. В связи с миграционными процессами второй половины XX в. все они покинули малую родину, и, несмотря на сохранение устойчивых родственных и социокультурных связей с Колвицей, основная часть их жизненного пути прошла за ее пределами. В настоящее время (за единичными исключениями) их визиты в село носят сезонный, летний характер. Перед началом опроса все участники были подробно ознакомлены с целями и задачами исследования и дали информированное согласие на участие в нем.

При подготовке статьи также использовались материалы, хранящиеся в Фонограммархиве Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, в Научном архиве Карельского научного центра Российской академии наук, обнаруженные в ходе экспедиций рукописи колвицких жителей, воспоминания колвичан, опубликованные в книге, подготовленной местными энтузиастами к 120-летию села⁴, а также газетные публикации.

Методологическая база исследования включает в себя применение нескольких методов. В полевой работе использовались прежде всего методы глубинного интервью и наблюдения. В ходе опросов собиралась информация о традиционных занятиях, устной истории, этническом и конфессиональном составе населения и топонимике Колвицы. Кроме того, нас интересовали бытующие в колвицких семьях предания, воспоминания о послевоенном детстве, об учебе в школе, о жизни вдали от родного села, а также рассуждения о собственной идентичности. В процессе написания статьи применялись сравнительно-исторический метод, позволивший нам сопоставить собранный материал с архивными и другими источниками, нарративный анализ, с помощью которого интерпретировались записанные тексты, а также функциональный метод, давший возможность определить роль, которую те или иные устные нарративы играют в конструировании идентичности.

³ Riebler M., Wilbur J. Documenting Endangered Oral Histories of the Arctic. A Proposed Symbiosis for Language Documentation and Oral History Research, Illustrated by Saami and Komi Examples. In: Oral History Meets Linguistics. Fürstenberg: Kulturstiftung Sibirien; 2017. P. 31–64.

⁴ Александров Г., Александрова Л., Горяшко А. Путешествие в Колвицу. СПб.: ЛД-Принт; 2014.

Результаты исследования и их обсуждение

1. *Переселение*. В 1994 г. Колвица торжественно отметила свой столетний юбилей, однако нужно отметить, что вопрос о точном времени ее основания остается дискуссионным. В литературе встречаются преимущественно две даты: 1892 и 1894 гг. Имена первопоселенцев – также предмет споров. Чаще всего в их числе называют выходцев из д. Варталамбина и д. Боровская (ныне Лоухский район республики Карелия) Кирилла Артемьева, а также Кузьму, Елисея, Луппа и Антона Архиповых.

По всей видимости, карелы и до 1890-х гг. приезжали в Колвицкую губу на сезонный рыбный промысел, но, так как протяженность маршрута в оба конца составляла несколько сотен километров, со временем было принято решение об окончательном переходе к оседлому проживанию на побережье Белого моря: «В общем, сначала первые четыре семьи приехали, потом уже на следующий год приехало еще 25 семей, – рассказывал нам один из колвицких жителей, – как уж они общались, как они друг другу это передавали все, я не знаю. Приехали по морю... Вот это первая и последняя карельская деревня, и они здесь осели» (Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2023 г., с. Колвица. Информант: ПВА, м., 1949 г.р.). (Здесь и далее стилистика и грамматика ответов информантов сохранены. – *Ред.*)

«Луппо, Елисей – они, по-моему, братья. То есть Луппо – это по бабушкиной линии, а Елисей – по дедушкиной линии. Это те, кто приехали первыми вот – дед Елисей и Луппо, разные линии, да. [Соб.: А откуда они приехали?] Да из-под Карелии откуда-то, из-под Чупы, на карбасах приехали и здесь обосновались» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: ГЛВ, ж., ок. 1968 г.р.).

Рассказы о переезде – то, с чего наши собеседники зачастую начинают свои повествования о прошлом. Для многих колвицан именно переезд предков, а не, например, война, является самым значимым событием семейной истории. Впрочем, нарративы о столь далеком прошлом больше остальных подвержены фольклоризации: «Карелов всего приехало вот три мужика: дед Кирилл, отец и сосед Елисей – трое на одной лодке приехали, – рассказывал в 1970-х гг. сын первопоселенца. – И приехали они, под ель вещи выгрузили, а лодку оттащили на ту скалу и сожгли, чтобы сразу отсюда назад не уехать» (перевод с карельского языка)⁵. Основание населенного пункта тремя братьями, сжигание лодки, чтобы не было пути назад – это типичные мотивы, встречающиеся в преданиях о первопоселенцах.

Село было основано в том месте, где река Колвица впадает в Белое море. Изначально дома строились лишь на правом берегу реки. Освоение более высокого левого берега началось позже. Наши информанты хорошо помнят, где стояли наиболее старые постройки, помнят, что их звали по именам первоначальных владельцев: *Jelisseiläntalo*, *Luppol'antalo* и др.

Как и следовало ожидать, в столь молодом населенном пункте очень значительная доля микротопонимов образована от имен и фамилий. По подсчетам Д. В. Кузьмина с антропонимами связано не менее 27 % местных географических названий [4]. Например, болото *Onto-šuo*, судя по записанным нами рассказам, названо в честь первопоселенца Антона Федоровича Архипова, ручей *Ananienoja*, возвышенность *Ananientermä*, и участок берега *Ananienranta* – в честь его сына Анания Антоновича и др.

Оказавшись за сотни километров от родных деревень, переселенцы долгое время не порывали с ними все связи, ездили туда в гости и нередко привозили оттуда жен. Вплоть до середины XX в. в Колвицу прибывали новые жители, а население села росло:

«[Дедушка с бабушкой] приехали сюда, по-моему, в 29-м году. Бабушка рассказывала... когда была революция, после революции они раза три, наверное, переходили границу, переходили в Финляндию, чтобы там жить, но им не нравилось, возвращались

⁵ Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (далее – ФА ИЯЛИ): 1692/2.

обратно, и после этих посещений Финляндии, здесь были какие-то знакомые у них, да, какие-то знакомые, и они переехали вот сюда. Это я знаю точно. Они переехали сюда жить, и потом маму сюда [позвали] и мамино дядю – у бабушки еще брат был» (ПМА, 2023 г., г. Кандалакша. Информант: ЗЛЕ, ж., 1941 г.р.).

Значительная часть опрошенных нами респондентов осведомлена о наличии родственников, проживающих в Карелии и Финляндии, однако коммуникация с ними носила нерегулярный характер и была полностью утрачена несколько десятилетий назад.

В современных рассказах о переезде отсутствуют упоминания тягот и лишений первых лет жизни на новом месте. Напротив, лейтмотивом всех собранных нарративов выступает описание богатства, изобилия и эстетической привлекательности местной природной среды: «Место было уникальное, – пишет в своих записках внучка первопоселенца, – река богата семгой, в заливе ловится беломорская селедка и треска, озера богаты кумжей, сигом, окунем, щукой. В лесу – изобилие ягод и грибов, можно заниматься охотой на пушного зверя... Это благодатное место имело все условия для жизни» (Записки БГА, ж., 1940 г.р. (личный архив автора)).

Осушение болот, выжигание леса, строительство дорог и плотин и вообще борьба со стихией – далеко не самые распространенные мотивы «локального текста». С чем связана такая избирательность коллективной памяти – сказать трудно, но схожие рассказы можно услышать и в других регионах с пришлым населением, например, на Карельском перешейке и в Северном Приладожье⁶.

2. *Географическое расположение.* Между тем жизнь в условиях Крайнего Севера не была безмятежной и сопрягалась с серьезными трудностями. Село было основано на месте, входившем прежде в сферу хозяйственных интересов старинного поморского села Кандалакша, но рассказы о долгих тяжбах с его жителями, актуальные для первых колвических поселенцев⁷ [1], со временем были полностью вытеснены из коллективной памяти. Опрошенные нами респонденты рассматривают себя в качестве исконных хозяев этих мест.

Многие десятилетия Колвица была отрезана от «материка», и связь с селом осуществлялась в основном по морю. Более или менее налаженное сообщение поддерживалось с Лувеньгой, Кандалакшей и Княжей Губой. В довоенные годы, однако, совершались и куда более далекие путешествия. В частности, в торговых целях колвичане ходили по морю даже в Архангельск:

«Папа ездил на лодке, на карбасе. Они же с Карелии-то на карбасе приехали тоже, когда облюбовали это место. Они были трое двоюродных брата обоснователями этой Колвицы. И он привез – у нас до сих пор есть пряжа с Архангельска, которой шерсть прядут, старая. [Соб.: А зачем отец туда ездил?] За продуктами. Они меняли рыбу и пушнину. Оттуда привозили сахар-песок, ой, сахара тогда мало. Соль – главное им надо было. И муку» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: БГА, ж, 1940 г.р.).

Рассказывают, что больше других в торговых делах преуспел сын первопоселенца Тимофей Кириллович Артемьев (*Timo-ukko*). На берегу у него стояли амбары для муки и соли, а его большой дом за богатство называли Кремлем.

Во всех соседних с Колвицей поселениях жили в основном русские. Карелы из Умбы и Варзуги, о которых упоминают источники позднего средневековья⁸ [2] и свидетельствуют археологические данные [7], к XIX в. полностью обрусели. Дольше карельский язык бытовал в деревне Вялозеро, находившейся в глубине

⁶ Бландов А.А. Советские переселенцы на Карельском перешейке и в Северном Приладожье в 1940-х годах. Выбор стратегии сосуществования. *Петербургские исследования*. 2014;(5):145–154. <https://elibrary.ru/tgixml>

⁷ ФА ИЯЛИ: 1692/2; НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 2. Кол. 53. Ед. хр. 8. Л. 27–28.

⁸ Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, Ленинградское отделение; 1978. 176 с.

Кольского полуострова, в 40 км от Умбы. Сохранился лингвистический материал, записанный от уроженцев Вялозера во второй половине XIX столетия⁹ [8].

Кроме того, в литературе карельскими называют располагавшиеся на Кольском полуострове и исчезнувшие в XX в. небольшие деревни Канозеро, Пинозеро, Инга, Мунозеро, Дедкова Ламбина, Вильмоламбина и Пончеозеро¹⁰ [2]. В нашем распоряжении, однако, достоверных сведений о времени их возникновения и об этническом составе их населения не имеется, а колвицкие карелы, судя по всему, практически не поддерживали с ними связей.

Ближайшим к Колвице селом с карельским населением являлась Княжая Губа. Массовое появление там карелов из пограничных с Финляндией волостей отмечалось на рубеже XIX и XX вв.¹¹ При этом, как и в Колвице, среди переселенцев были уроженцы д. Варталамбина и д. Боровская¹².

Примерно в то же время на Карельском и Поморском берегах Белого моря, южнее Княжей Губы, возникли другие карельские поселения: Нильмогуба, Нижняя Пулонга, Чупа, Соностров, Сальнаволоок и Юково [9; 10].

На памяти наших информантов отдельные карельские семьи проживали также в соседнем с Колвицей поселке Лувеньга. Этот поселок возник в 1924 г. в результате деятельности Колонизационного отдела Мурманской железной дороги¹³, и, судя по переписи 1926 г., его первыми жителями действительно были карелы¹⁴. Впоследствии, однако, население Лувеньги стало значительно более смешанным.

3. *Состав населения.* Население Колвицы тоже не было однородным. Ее жителями являлись выходцы из разных деревень Северной Карелии, в основном из Олангской, Тихтозерской, Кестеньгской, Вокнаволоокской и Ухтинской волостей [2].

Даже сегодня в карельской речи колвичан заметны некоторые отличия. Одни наши информанты используют при общении глаголы *ruatua* ('работать') и *paissa* ('говорить'), характерные для южной и центральной Беломорской Карелии, другие – *työjellä* и *puajie*, распространенные на самом севере. Д. В. Кузьмин, изучавший местную топонимию, выявил еще несколько подобных синонимичных пар-маркеров: *vuara* и *tunturi*, *termä* и *čokka* и др. [3; 4].

Впрочем, рассказывая о прошлом, колвичане не склонны делить население села на своих и чужих. В нашем распоряжении почти нет текстов, где шла бы речь о конфликтах между переселенцами. Сложившиеся в селе тесные родственные связи, как можно предполагать, нивелировали имевшиеся различия.

Помимо карелов, в первой половине XX в. в Колвице проживало несколько финских семей. Некоторое дистанцирование от них, прослеживающееся в устных рассказах, вполне объяснимо. Во время советско-финской войны почти все колвицкие финны были депортированы:

«Бабушка рассказывала, что пришел катер, ёла. Их на ёле вывезли. В деревне об их судьбе больше не знали, считали, что их уничтожили. И страх в деревне был очень

⁹ Daa L.Kr. Skisser fra Lapland, Karelstranden og Finland. Kristiania: Selskabet for Folkeoplysningens Fremme; 1870. S. 121–123; Genetz A. Kuolan niemimaan asukkaiden oloja tutkimassa vuonna 1876. B: Rantala L. Kuolan niemimaalla käyneiden suomalaisten tiedemiesten matkakertomuksia. Rovaniemi: Lapin tutkimusseura; 2008. S. 60–61.

¹⁰ Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра; 2023. 515 с.

¹¹ Рябов В. Кандалакшский приход Кемского уезда (к вопросу о современном состоянии поморских приходов). *Архангельские епархиальные ведомости*. 1909;(16):401–516.

¹² За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о Гражданской войне. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во; 1963. 535 с.

¹³ Колпакова Н.П. Терский берег. Вологда: Сев. обл. изд-во; 1937. 184 с.; Третий год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчетный сборник Колонизационного отдела Правления Мурманской ж. д. за 1925–26 год. Л.: Правление Мурманской ж.д.; 1927. 211 с.

¹⁴ Карельская АССР. Статистическое управление. Список населенных мест Карельской АССР. (По материалам переписи 1926 года). Петрозаводск: Стат. управл.; 1928. 159 с.

сильный. Я по своей бабушке сужу. Она жила в Хельсинки какое-то время, до того как вышла замуж, училась там в гимназии. Я пыталась у нее что-то спрашивать, она вообще на эту тему говорить не хотела»¹⁵.

Отметим, кстати, что опыт жизни в Финляндии имелся у многих колвицких карелов: «А маме было два года, да, когда они ж убежали из Софьянги в Финляндию, мамыны родители, вот маме было два года, это значит в 18-м году... [Соб.: А зачем убежали?] Не знаю. Лучше, наверное, искали где. А потом вернулись. А родственники бабушкины, да, там остались» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: КСИ, ж., 1949 г.р.).

Конфессиональный состав населения Колвицы, по всей видимости, тоже не был однородным. Вероятно, среди переселенцев были и старообрядцы. По крайней мере, упоминания о них встречаются в записанных нами текстах.

Известно, что в Северной Карелии, откуда происходили первые колвицкие жители, было распространено несколько старообрядческих течений [11], а в окрестностях Кестеньги в XIX в. существовал Топозерский старообрядческий монастырь [12].

Впрочем, активной конфессиональной жизни в Колвице никогда не наблюдалось. В селе не было своего «престольного» праздника или церкви. Некоторые информанты сообщают о некогда стоявшей в селе часовне, но эта информация пока не находит достаточных подтверждений. Другие упоминают о *Kirikönpirtti* ('церковный дом'), но, по крайней мере, во второй половине XX в. регулярных молитвенных собраний в Колвице не проводилось. Поначалу в село приезжал священник из Кандалакши¹⁶, а в послевоенные годы крещение детей, каждение могил и другие обряды осуществляли старые деревенские женщины.

Конфессиональное самосознание нынешних жителей села довольно размыто. Чаще всего они называют себя православными, но рассказать о конфессиональной принадлежности своих предков и односельчан в большинстве случаев не могут.

4. *Занятия.* Существенная часть имеющихся в нашем распоряжении текстов касается трудовых будней – работе в колхозе и на рыбных промыслах, на лесозаготовках и лесосплаве.

Основным занятием колвичан являлось рыболовство, прежде всего лов сельди и семги. При этом в сферу хозяйственных интересов жителей села, помимо Колвицкой губы, входило Колвицкое озеро и другие более мелкие водоемы и реки – не случайно все они имеют карельские названия. По данным В. Визе и В. Никольского, в первые десятилетия XX в. на Колвицком озере даже стояло несколько карельских хуторов и выселок Верес-ручей¹⁷. В послевоенное время хуторов уже не было, но несколько пожилых людей выезжало на озеро на весь летний сезон. Кроме того, на протяжении XX в. многие колвичане ездили на заработки на Мурманский берег. Рассказывают, что один из колвицких первопоселенцев еще в молодости работал на Баренцевом море, попал там в шторм и даже жил некоторое время в Норвегии (ПМА, 2025 г., с. Колвица. Информант: АТН, ж., 1946 г.р. (ФА ИЯЛИ: 4553)).

В первой половине XX в. большое значение в жизни Колвицы имело оленеводство. Из сельскохозяйственных культур выращивали картофель, репу и капусту, позже – турнепс и горох. Зерновые культуры в этих широтах, как правило, не вызревали. Колвичане работали также на лесозаготовках и лесосплаве. Добыча пушнины, бой морского зверя и лов жемчуга имели определенное значение в первые годы существования Колвицы. Наши информанты знают об этом лишь понаслышке.

¹⁵ Александров Г., Александрова Л., Горяшко А. Путешествие в Колвицу.

¹⁶ Рябов В. Кандалакшский приход Кемского уезда (к вопросу о современном состоянии поморских приходов).

¹⁷ Визе В.Ю. Из путевых заметок по р. Умбе. *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1912;(16):739–747; Никольский В.В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки – Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 года. М.: Науч.-техн. упр. ВСНХ; 1927. 233 с.

Примечательно, что со многими из этих занятий карелы могли быть мало знакомы до переезда, однако в коллективной памяти колвичане предстают уже как опытные мореходы, оленеводы и ловцы жемчуга, а результаты их труда – как важные для всего государства. Информанты подчеркивают, что выловленная семга поставлялась прямо в Кремль (ПМА, 2025 г., с. Колвица. Информант: ПВА, м., 1949 г.р. (ФА ИЯЛИ: 4552)), а выращенная в Колвице капуста занимала первые места на всесоюзных выставках (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: АТН, ж., 1946 г.р.).

5. *Представления о локальной истории.* Современные жители Колвицы нечасто размышляют о том, что было на месте их села до приезда первопоселенцев. На этот счет есть две устоявшиеся точки зрения. Одни наши информанты подчеркивают, что прежде вдоль берега рос лишь густой лес:

«Три брата приехало Архиповых, приехали-то они, конечно, это точно, [откуда-то] недалеко от Кестеньги, вот, и мама недалеко где-то от Кестеньги родилась. Как они приехали? На дорках. Помню, папа рассказывал, тут один ельник был по берегам, видно, что это было болотистое такое место, это по рассказам» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: КРА, ж., 1944 г.р.).

Исходя из природных особенностей местности некоторые колвичане пытаются объяснить и название села: «Все же здесь было как бурьян, колья и вицы, поэтому Колвицу и называют нашу, ну называли так: колья и вицы – Колвица» (ПМА, 2023 г., г. Кандалакша. Информант: БГА, ж., 1940 г.р.).

Параллельно с этим встречается и другой мотив. Многие рассказывают, что прежде на месте села стоял монастырь или старообрядческий скит. В своих рассказах наши собеседники по-разному пытаются его локализовать:

«Кто-то говорит, что здесь... монастырь какой-то был, вот там недалеко. Моя тетюшка находила даже золото червонное, кольцо находила тетя Маруся. А откуда? Она сказала, что где-то вот тут недалеко это в земле, где дед жил, короче говоря... рядом был, кто-то говорит, женский монастырь или какой» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: КРА, ж., 1944 г.р.).

Изначально мы предполагали, что данный мотив возник совсем недавно и имеет книжное происхождение, но упоминания о монастыре встретились нам и в более ранних записях. В частности, о том, что на месте Колвицы «когда-то давно» был монастырь, в 1970 г. писал сын первопоселенца А. К. Архипов¹⁸, а в 1980-х гг. А. П. Конкка даже показывали следы дома, где жили монахи [1].

Письменные источники существования в Колвице монастыря не подтверждают. В соответствии с документами, в XVII и XVIII вв. в Колвицкой губе находились лишь монастырские усадьбы [4; 13]. Этому не противоречат и предания, этимологизирующие название морской тони *Yuarniċša*: «Варница – это начало деревни, там были раньше монахи, вот здесь вот был монастырь, и отсюда монахи туда ездили соль вываривали. Морскую воду перегоняли, там парили, парили, парили – доставали соль, короче говоря. Ну и вот, называлась Варница» [5, с. 653].

С монастырем и соляными промыслами жители Колвицы связывают и существовавшее в прошлом на левом берегу реки кладбище. Из-за подмыва берега оно было утрачено в середине XX в.:

«Кладбище *Kuuzikko* называется... Мы всё боялись в детстве. Когда я родилась и бегала вот такая, то кресты были уже набок, потом они все стлели уже, холмики такие вот сохранились... Всё говорят, что вот этот был монастырь. Мы даже дети ходили, все время шарили там, искали чего-то, но оно ж где-то в земле, понимаете. Не нашли ничего. Но было, там чего-то было, потому что это захоронение очень давнѐшнее, очень древнее захоронение это» (ПМА, 2024 г., г. Кандалакша. Информант: ЗЛЕ, ж., 1941 г.р.).

¹⁸ Разин Е. Утраченная память. *Нива*. 1994;(125). С. 3.

Когда и при каких обстоятельствах сформировались данные нарративы, сказать трудно. С одной стороны, переселенцам досталась мало освоенная и почти «стерильная» с точки зрения устной традиции территория, и им пришлось наполнять ее новыми смыслами, связанными с их собственным жизненным опытом. С другой стороны, колвичане всегда поддерживали связи с жителями Кандалакши и Умбы, общались с кочевывшими в соседних тундрах саамами. И предания о монастыре, как и целый ряд топонимов, вполне могли быть заимствованы от соседних народов.

Следующим после переселения важным эпизодом локальной устной истории являются события 1919 г., когда в Колвицкую губу вошел английский военный корабль, обстрелявший село. Соответствующие рассказы бытуют практически в каждой колвицкой семье. И хотя многие рассказчики знакомы с художественной литературой, где изложены эти события¹⁹, записанные нами тексты отличаются свойственной фольклору вариативностью:

«Первый дом у нас англичане спалили, здесь вот на огороде был. Сюда же англичане заходили... Как мама говорила, он здесь вот в губу зашел. Ну губа – это залив. Он еле-еле обратно развернулся такой, ну, наверное, типа линкор или что-то такое было. Это еще мать помнила. Партизаны удрали на озеро. Вот. Тут одни бабки, старики, дети остались. Ну они то ли обиделись, то ли черт его знает. Короче говоря, два снаряда, по-моему, пустили. Не вся деревня сгорела, но сгорело много домов. А вот в Лувеньге вот... было очень много дезертиров с Первой мировой войны, они были все с оружием, а там берег отлогий, близко судам не подойти, они на лодках поплыли, и эти дезертиры их обстреляли, они развернулись и уехали. А вот в Княжой в деревне, вот там да, там расстреляли многих партизан. О, между прочим, в Княжой тоже карелов очень много было» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: ПВА, м., 1949 г.р.).

«Слыхала, что у них корабль вот тут стоял в заливе... В общем, это откуда-то узнали, что они тут будут, и мужчины ушли куда-то в лес. Остались – я вот слыхала про старика, что один старик – он уже больной был – и ребенок какой-то. И вот когда они сюда пришли, они собрали всю деревню – ну женщин – и допытывались, что куда ушли мужчины. Но никто не сказал. И они вот забрали этого старика и ребенка, и больше о них ничего неизвестно. И они еще подожгли – часть деревни сгорело... В Лувенге они тоже были, тоже вроде как, но я не знаю. Я знаю, что в Княжой на Филипповке – такой вот склон тоже у залива. И с этой вот скалы они убивали людей, братская могила была там на месте канала» (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: АТН, ж., 1946 г.р.).

Обращает на себя внимание тот факт, что в этих текстах, помимо Колвицы, часто фигурируют Лувеньга и Княжая Губа – населенные пункты, с которыми у колвичан были наиболее тесные отношения и где также проживали карелы. Рассказы о совместно пережитых событиях формируют некую коллективную идентичность. Примечательно, что в этих нарративах нет места Кандалакше, с которой, как мы знаем, колвицкие первопоселенцы не ладили.

В ходе экспедиций мы не слышали рассказов об образовании колхоза и о раскулачивании. Последнее, вполне возможно, обошло село стороной. На этом фоне обращает на себя внимание большое количество текстов о заключенных ГУЛАГа, работавших в колвицких лесах в 1930-х гг. Все наши информанты родились позже, но без труда могут показать места, где стояли бараки, и в деталях рассказать о тяжелых условиях жизни заключенных.

Активных боевых действий во время Великой Отечественной войны в Колвице не было. И все же, пытаюсь вписать локальную историю в общенациональный контекст,

¹⁹ Линецкий А.М. Бушует Беломорье. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во; 1962. 300 с.; Пикуль В.С. Из тупика: роман-хроника. Л.: Лениздат; 1968. 951 с.

придать значимость родному селу, наши собеседники обязательно пересказывают слухи и толки об упавшем в Колвицкое озеро самолете или о сброшенной в залив авиационной бомбе (ПМА, 2025 г., г. Кандалакша. Информант: ЗЛЕ, ж., 1941 г.р.; с. Колвица. Информант: ПВА, м., 1949 г.р. (ФА ИЯЛИ: 4552)).

Практически все наши информанты уехали из села в юности, в 1950-х или в 1960-х гг. На этом история Колвицы для них практически закончилась. Записанные нами рассказы о событиях второй половины XX в. всецело подчиняются характерному для русской крестьянской нарративной традиции «закону ухудшающихся времен». Хищнический лов рыбы, вырубка лесов, застройка полей дачами, зарастание лесных дорог, исчезновение рыбацких изб на тонях, закрытие сельской школы, клуба и других социально значимых объектов – все это рисует весьма депрессивную картину.

В настоящее время постоянное население Колвицы, в которой в довоенные годы насчитывалось 60–65 домов, составляет лишь несколько человек. Летом оно возрастает многократно за счет дачников из Кандалакши, Полярных Зорь, Мурманска и других городов. Среди них далеко не все имеют колвицкое происхождение. Уроженцы села осознанно от них дистанцируются, формируя своеобразное сообщество «настоящих» колвичан.

6. Идентичность. До 1938 г. преподавание в колвицкой начальной школе велось на финском языке. Самые старшие из наших информантов родились позже и учились уже в русскоязычной школе, а после ее окончания уехали учиться в Княжугу. Именно во время учебы в Князегубской школе-интернате многие из колвицких уроженцев стали забывать карельский язык. В ходе экспедиций мы встретили лишь четырех человек, в той или иной степени говорящих по-карельски. Они – последние носители колвицкого говора карельского языка.

Добавим, что все наши информанты значительную часть своей жизни прожили в городах или крупных поселках, считали свое карельское и деревенское происхождение непрестижным, нередко скрывали свою этническую принадлежность и стеснялись знания родного языка. Этническая специфика Колвицы полностью игнорировалась или никак не подчеркивалась в краеведческой литературе, на страницах районной газеты и на торжественных мероприятиях по случаю юбилеев села.

Тем не менее респонденты старшего поколения, вне зависимости от уровня владения карельским языком, достаточно уверенно идентифицируют себя как карелов. Иногда решающую роль в самоидентификации играет отметка в советском паспорте. Но, понимая свое периферийное положение в карельском мире, они считают родной язык «неправильным», «не чисто карельским» [5, с. 666], по отношению к тем, кто позабыл язык, употребляют выражение *paha karjalaini* ('плохой карел') [2, с. 59], своих детей и внуков без сомнения называют русскими и осознают, что с уходом из жизни последних носителей языка исчезнет и карельский этнос. Это вполне соотносится с выводами А. М. Рыжкова. По его мнению, многие современные карелы считают, что можно быть частью этнической группы, полноценно не владея карельским, и одновременно воспринимают сохранение языка как то, без чего группа перестанет существовать [14].

Работая с материалами районной газеты, мы обратили внимание, что на ее страницах еще с советских времен Колвица именуется поморским селом. Но называют ли себя поморами сами колвичане? В имеющихся у нас текстах обнаруживаются две, казалось бы, противоположные позиции. Одни уроженцы села говорят: «Колвица – именно карельская деревня, и если кто-то называл ее жителей поморами, обязательно был поправлен: “Мы не поморы, мы карелы”... Так уж повелось в Колвице – “мы карелы”, и точка»²⁰. Поморы, по мнению таких информантов, – это прежде всего

²⁰ Александров Г., Александрова Л., Горяшко А. Путешествие в Колвицу.

жители Умбы, Варзуги и Кандалакши: «Здесь карельское село... Ну поморы – это, ну где это Умба, вот там, наверное» (ПМА, 2024 г., с. Колвица. Информант: АТН, ж., 1946 г.р.). «Поморов-то я тут у нас не знаю, не, поморов не было. Поморы на Нижней Кандалакше, у нас там жили поморы. А в Колвице их не было»²¹. Есть, впрочем, и другое мнение: «Мы же у моря родились и всю жизнь живем, надо присвоить нам звание поморы», – говорила одна из наших собеседниц, владеющих карельским языком (ПМА, 2023 г., с. Колвица. Информант: БГА, ж., 1940 г.р.). Примечательно, что в своих записках об истории Колвицы эта же женщина называет родную деревню иногда поморской, а иногда карельской (Записки БГА, ж., 1940 г.р. (личный архив автора)). Несомненно, как и в других местах на побережье Белого моря, в Колвице происходит смешение поморской и карельской идентичностей [15].

Заключение

Село Колвица возникло в самом конце XIX в., а состав его населения формировался вплоть до 1940-х гг. В середине XX в. село покинула значительная часть его жителей, одновременно происходил языковой сдвиг. Почти все наши информанты живут за пределами Колвицы и не используют карельский язык в быту. Их рассказы о Колвице – это рассказы о детстве, о жизни своих родителей и других родственников.

Особенность исторической памяти колвичан – в ее большой хронологической глубине. Уроженцы села, как правило, хорошо знают свою родословную, знают имена своих предков, впервые ступивших на колвицкий берег. Существенная часть имеющихся у нас текстов описывает события, произошедшие в 1930-х, 1910-х и даже в 1890-х гг. В этих текстах нет типичных для русской деревни рассказов об образовании колхозов, раскулачивании и о гонениях на церковь, сравнительно небольшое место занимают повествования о Великой Отечественной войне. Напротив, фиксируется много нарративов о событиях Гражданской войны (появление в Колвицкой губе английского корабля, действия партизанских отрядов), о родственниках, впервые приехавших в Колвицу, об их жизни на исторической родине и о совершавшихся ими дальних плаваниях. Такие рассказы хоть и не лишены реальной основы, но больше остальных подверглись фольклоризации. Интересно, что в этих нарративах не описываются тяготы первых лет жизни на новом месте, трудности с освоением новых занятий, тяжбы с соседним поморским населением. В записанных нами текстах колвичане предстают как исконные хозяева своей земли, опытные мореходы и оленеводы, а колвицкий берег – как богатый ресурсами край, полностью подходящий для жизни.

Существенная часть текстов представляет собой рассказы о предыстории Колвицы. Возможно, предания о находившемся в этих местах монастыре или старообрядческом ските вместе с целым рядом топонимов были заимствованы от соседнего поморского населения.

Бытующие среди колвичан тексты вписывают местную историю в общенациональный контекст и одновременно формируют коллективную идентичность жителей побережья Кандалакшского залива, которые вместе сражались с английскими интервентами, вместе учились в Князегубской школе, вместе работали в лесу и в море.

Несмотря на утрату языка, старшее поколение уроженцев Колвицы уверенно называет себя карелами, что, впрочем, не мешает некоторым из них именовать свое село поморским. Наблюдается смешение карельской и поморской идентичностей.

Активной конфессиональной жизни в Колвице никогда не было. Все опрошенные нами местные уроженцы считают себя православными, хотя в конфессиональной принадлежности своих предков не уверены, лишь слышали, что среди них были и старообрядцы.

²¹ ФА ИЯЛИ: 3956-13.

В наше время почти повсеместно на севере России происходит размывание этнических и конфессиональных границ. В отрезанной от остального карельского мира Колвице эти процессы протекают особенно интенсивно.

Сделанные автором выводы вносят вклад в изучение этнического прошлого Кольского полуострова и истории самой северной из ныне существующих групп карелов. Материалы исследования могут быть интересны краоведам, местным жителям и туристам.

В перспективе географические границы исследования могут быть расширены. Устная история Князей Губы и других карельских поселений Мурманской области пока остается неизученной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прозаический фольклор карелов Кестеньгского края: моногр. Петрозаводск, Ульяновск: Печатный двор; 2023. 456 с. <https://elibrary.ru/bqyook>
2. Kehayov P., Kuzmin D. The Karelian Dialect of Kolvitsa, Kola Peninsula. Helsinki: Société Finno-Ougrienne; 2022. 310 p. <https://doi.org/10.33341/sus.449>
3. Kehayov P., Kuzmin D. Karjala keele Kolvitsa murrak. Kuidas varieerub hääbuva keele idiolekt? *Keel ja Kirjandus*. 2022;65(8–9):746–763. <https://doi.org/10.54013/kk776a7>
4. Кузьмин Д.В. Историко-культурный потенциал топонимии карельской деревни Колвица на Кольском полуострове. *Вопросы ономастики*. 2022;19(2):127–163. http://dx.doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.2.020
5. Мызников С.А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования: моногр. М., СПб.: Нестор-История; 2021. 912 с. <https://elibrary.ru/vlqopl>
6. Бусырева Е.В. Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура: моногр. Апатиты: КНЦ РАН; 2019. 176 с. <https://elibrary.ru/yohthf>
7. Шахнович М.М. Археологическое изучение реки Варзуга. *Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования*. 2021;12(1):48–72. <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2021.1.20.004>
8. Virtaranta P. L. Kr. Daan tietoja Kuolan karjalaisista. *Virittäjä*. 1988;92(1):155–160. <https://doi.org/10.23982/vir.38198>
9. Кузьмин Д.В. История освоения карельского Поморья (в свете языковых данных). *Linguistica Uralica*. 2016;52(3):179–194. <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2016.3.03>
10. Муллонен И.И. Карельский след в топонимии Поморского берега Белого моря. *Вопросы ономастики*. 2024;21(2):231–247. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.024
11. Кожурин К.Я. «Вообще же раскол – роковое явление нашей государственности...» (секретные отчеты гражданских губернаторов о состоянии раскола в Архангельской губернии в 1850–1860 годы). *Старообрядчество*. 2024;2(2):36–54. <https://doi.org/10.24412/2949-4001-2024-0070>
12. Старицын А.Н. Староверческий монастырь на Топозере в народных преданиях и воспоминаниях путешественников. *Словесность и история*. 2020;(2):112–125. <https://doi.org/10.31860/2712-7591-2020-2-112-125>
13. Никонов С.А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы: в 2 ч. Ч. 1.: моногр. Мурманск: МГГУ; 2011. 324 с. <https://elibrary.ru/qvurwd>
14. Рыжков А.М. Языковые идеологии и конструирование карельской идентичности. *Этнографическое обозрение*. 2023;(6):139–155. <https://doi.org/10.31857/S086954152306009X>
15. Джиошвили Э.А., Минвалеев С.А. «Какие вы карелы? Вы поморы!»: особенности карельской и поморской идентичностей через призму стереотипов. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2025;19(3):421–432. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-3-421-432>

REFERENCES

1. [The Prose Folklore of the Karelians of the Kiestinki Region: A Monograph]. Petrozavodsk, Ulyanovsk: Printing Yard; 2023. 456 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bqyook>
2. Kehayov P., Kuzmin D. The Karelian Dialect of Kolvitsa, Kola Peninsula. Helsinki: Société Finno-Ougrienne; 2022. 310 p. <https://doi.org/10.33341/sus.449>

3. Kehayov P., Kuzmin D. Karjala keele Kolvitsa murrak. Kuidas varieerub hääbuva keele idiolekt? *Keel ja Kirjandus*. 2022;65(8–9):746–763. (In Est.) <https://doi.org/10.54013/kk776a7>
4. Kuzmin D.V. Historical and Cultural Value of Place Names of the Karelian Village Kolvitsa on the Kola Peninsula. *Problems of Onomastics*. 2022;19(2):127–163. (In Russ., abstract in Eng.) http://dx.doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.2.020
5. Myznikov S.A. [Russian Dialects of the White Sea Region in the Context of Ethno-Linguistic Interaction: An Experience of Comprehensive Research: A Monograph]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2021. 912 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vlqopl>
6. Busyreva E.V. [The Destinies of the Finns of the Murman Region: Family History and Culture: A Monograph]. Apatity: Kola Scientific Centre; 2019. 176 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yohthf>
7. Shakhnovich M.M. Archaeological Study of the Varzuga River. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Humanitarian Studies*. 2021;12(1):48–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2307-5252.2021.1.20.004>
8. Virtaranta P. L. Kr. Daan tietoja Kuolan karjalaisista. *Virittäjä*. 1988;92(1):155–160. (In Fin.) <https://doi.org/10.23982/vir.38198>
9. Kuzmin D.V. On the Historical Settlement of the Karelian Littoral of the White Sea (Based on Linguistic Data). *Linguistica Uralica*. 2016;52(3):179–194. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2016.3.03>
10. Mullonen I.I. Karelian Heritage in the Toponymy of the Pomor Coast of the White Sea. *Problems of Onomastics*. 2024;21(2):231–247. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.024
11. Kozhurin K.Ya. “In General, the Schism is a Fatal Phenomenon of our Statehood...” (Secret Reports of Civil Governors on the State of the Schism in the Arkhangelsk Province in the 50s and 60s of the XIX century). *Old Believer*. 2024;2(2):36–54. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2949-4001-2024-0070>
12. Staritsyn A.N. The Old Believer Topozero Monastery in Folk Stories and Memoirs of Travelers. *Texts and History*. (In Russ., abstract in Eng.) 2020;(2):112–125. <https://doi.org/10.31860/2712-7591-2020-2-112-125>
13. Nikonov S.A. [Kandalaksha Monastery in 16th–18th Centuries: Research and Materials. Part 1: A Monograph]. Murmansk: MSU; 2011. 324 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qvurwd>
14. Ryzhkov A.M. Language Ideologies and the Construction of Karelian Identity. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2023;(6):139–155. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S086954152306009X>
15. Dzhioshvil E.A., Minvaleev S.A. “What Karelians? You’re Pomors!”: Features of Karelian and Pomor Identities through the Prism of Stereotypes. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(3):421–432. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-3-421-432>

Информация об авторе:

Бландов Алексей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1473-0314>, SPIN-код: 9388-8143, vap_87@inbox.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 09.12.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 05.03.2026.

Information about the author:

Aleksei A. Blandov, Cand.Sci. (Hist.), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS (11 Pushkin St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1473-0314>, SPIN-code: 9388-8143, vap_87@inbox.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 09.12.2025; revised 26.02.2026; accepted 05.03.2026.